

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

Какой же он разный, наш курско-ленинградско-питерский соловей Игорь Борисович Скляр! У Льва Додина в Малом драматическом блистает и в трагедии, и в комедии. У Игоря Николаева спел «На недельку до

второго...», снова, как и в «Мы из джаза», покорила весь Союз своим «смайлом» (хотя тогда мы таких слов не знали, а говорили: «Неповторимая улыбка»). Он играет у Глеба Панфилова, играет в «Круге первом», но не гнушается антрепризными постановками. Как бы то ни было, за кулисами Игорь крайне серьезный, мудрый, основательный, после всего, что выпало на его душу и тело, научившийся ценить не то что каждую минуту — каждую секунду своей драгоценной жизни.

Игорь СКЛЯР: Каждый день в Павловске гуляю с тремя таксами...

— Игорь Борисович, при каких обстоятельствах вы осознали уникальность Петербурга?

— Практически сразу как приехал — в июле семьдесят пятого (Игорь Борисович родился 18 декабря 1957 года в Курске, где и вырос. — Прим. авт.). Помню, шел я по Фонтанке, к цирку и понял, что не хочу этот город завоевывать — хочу здесь быть. И буду. Мне здесь хорошо. Было это ровно сорок лет назад.

— В конце мая Законодательное собрание Петербурга выбирает новых почетных граждан города. Раньше называли двух-трех, затем — одного, а в прошлом и нынешнем годах вообще никого! Неужто не сыскать достойных?

— Не знаю, вопрос не ко мне. Решает власть, а я к ней никак не отношусь.

— Если бы сто лет спустя после нашего разговора вы вернулись в Петербург, каким хотели бы его увидеть?

— Соразмерным понятию «город». Не бумерангом разных народностей, не Вавилонской башней, чем стали Москва, Токио, Мехико... А именно тем, что называется «город». К счастью, сейчас есть ощущение лица и внутреннего содержания великого города. Во всяком случае в центральной его части.

Я бы хотел, чтобы через сто лет стояли Исаакиевский собор, Александро-Невская лавра, Михайловский замок, цирк Чинизелли. Я — за тот Петербург, который достался нам как шедевр мировой гармонии. Не хочу, чтобы эту гармонию портили люди. Как случится, если на стол с саксонским или кузнецовским фарфором поставят пластиковую бутылку воды.

— Москва этим и загажена...

— Гармонии становится все меньше, а Питер — одно из гармоничных мест на Земле. Причем уникальных. Не хочется, чтобы гармония кем бы то ни было нарушалась.

— Был ли такой момент, когда Петербург на вас давил, сковывал, испытывал на прочность?

— Нет.

— Какие две-три городские проблемы вам лично не дают спокойно жить и спать?

— Вместо того чтобы строить якобы современные не то унитазы, не то раковины из стеклобетона или мрамора, лучше заняться восстановлением города. Едешь по улице и до сих пор видишь: стоит какой-нибудь банк, а рядом — обшарпанный, трехэтажный, но при этом замечательный, красивый, гармоничный дом с забытыми досками окнами! Хорошо бы в Петербурге, как в уникальном месте, обязать тех, у кого есть деньги: хочешь здесь что-нибудь построить, так отреставрируй пять домов поблизости! И конечно, дороги. Они просто чудовищны. Наши дороги вообще нужно переделывать вместе с коммуникациями, выводить люки с проезжих частей, и так далее. Все эти уборочные машины, что якобы убирают пыль, только поднимают ее. Дождь прошел, лужи высохли, пыль никуда не стекает, в отличие от правильно сделанных дорог, где дождь смывает грязь в ливневки. От этого и дома грязные, и пыль в палец толщиной.

— Какие особенные места в Петербурге вы показываете своим друзьям, гостям?

— Во-первых, Павловск, в котором живу. А живу я там потому, что мне Павловск по душе. Вдали от города, при этом со всеми признаками цивилизации, с тишиной пригорода и с роскошным, наверное, лучшим в мире ландшафтным парком. А в самом Петербурге люблю Михайловский замок, все, что вокруг цирка, Потемкинскую улицу, Таврический сад, с которым у меня столько связано... Показываю Моховую, Фонтанку, Владимирскую площадь. Вот мои места любимые. Люблю гулять возле Михайловского замка. Причем не в Летнем саду. Там и народу меньше, и думается лучше. Я каждый

Фото Натальи Чайки

день в парке в Павловске гуляю со своими тремя охотничьими таксами.

Я часто бываю в Москве, в провинции, и всюду к нам, питерским, относятся с уважением. Это обязывает ко многому, и если кто-то из наших себя ставит и высказывается не по-питерски, то выглядит все равно муравьем у ноги слона...

— Как вам нынешний Петербург по сравнению с тем, каким он был десять, двадцать, тридцать и более лет назад?

— «Зенит» был интереснее, потому что это была команда. Я раньше бежал к телевизору, на стадион, а сейчас какой-то не моей команда стала. Конечно, стало в нашем городе богаче, теперь не проехать по историческим улицам. И даже не в час пик. Но это общее течение жизни, цивилизации: брать и брать, потреблять и потреблять, без всякой подоплеки душевной. Когда есть душевная подоплека, то оказывается, что так много человеку не надо.

Слишком много всего стало. Хватаемся за голову: «Кризис!

Надо уезжать из этой страны!» Уезжайте! Какой кризис? Ленинградцы тридцать, сорок, пятьдесят лет назад и не такое переживали. Нынче голова болит: какую колбасу из сотни сортов выбрать, а раньше я видел по два рубля двадцать копеек и за два восемьдесят. И пожалуйста, сто грамм нарежьте! А сейчас мало того что девяносто процентов вообще вредно есть, происходит обман, нажива, стремление к легким деньгам. Но разве это может стать целью жизни? Когда деньги, когда средства становятся целью, происходит грандиозный обман.

— Нет ли в этом некоего патриотического преувеличения, когда мы называем Петербург самым красивым городом на Земле?

— Нет. Совершенно нет. В 1986 году я впервые выехал на Запад — и сразу в Париж. Потом, наверное, год больной и унылый ходил, потому что понял: мы живем так, как жить нельзя. Но затем за пятнадцать лет с театром объездил практически весь мир, очень точно понял: нам еще повезло, что мы живем так. Да, не очень устроено, не очень комфортно, не очень продуманно, но при этом у нас есть свобода колебаний, у нас есть лофт. Мы в гости приглашаем, так чтобы уж наелись до отвала, напились, сколько душа пожелает. Чтобы поговорить, поиграть, спеть и вспомнить что-то хорошее.

Да, есть города, где можно и архитектуру изучать, и нравы. Но в Питере царствует гармония, и, поверьте, это человек не может не чувствовать. В мегаполисах можно успешно работать, зарабатывать, самоосуществляться. А жить лучше в разнообразии. Пусть не в деревне, так в небольшом городе, там, где все знают друг друга, здороваются по утрам, улыбаются, где послать другого на три буквы неловко, потому что все об этом завтра узнают.

Да, есть Венеция, есть районы Амстердама, но только районы, небольшие и очень одинаковые. А вот такого разнообразия, движения архитектуры, пространства освоений, которое осуществилось всего за двести — двести пятьдесят лет, как у нас, — такого нет нигде, это точно.

— Были в вашей жизни моменты, когда вы хотели или собирались уехать из Питера?

— Возможности были, охоты не было.

— Что вы лично сделали для Петербурга и что он сделал для вас?

— Не люблю хвалиться, да и не хочется. Кое-что сделал. Но лучше об этом не шуметь. Если чем-то занимаешься хорошим, лучше это делать негромко.

— Скляр еще спел: «На недельку до второго...», прославив для многих Комарово...

— Да, после этого стали интересоваться, где это, что это, что за место, кто там жил, кто похоронен.

— Есть ли у вас или у вашей семьи какие-то ассоциации, связанные с газетой «Вечерний Петербург» («Вечерний Ленинград»)?

— Лет с тридцати я бешено увлекся кроссвордами. А в «Вечёрке» практически каждый день кроссворды. И ваша газета лет десять или больше была моим спутником. Я ее старался каждый вечер покупать.

— Как вы проводите свои петербургские вечера?

— На работе. У меня не так много свободных вечеров. И когда спрашивают: «Что вы делаете в выходные?» — я переспрашиваю: «В чьи именно?» Когда у людей выходные, я как раз работаю. А в праздники по два концерта и вечерний спектакль. И поездка у меня сплошные. Но я люблю свою работу, свое дело. Хотя работой его назвать нельзя. Работа — это что-то тяжелое, изматывающее, а мне нравится то, чем занимаюсь, и за это мне еще деньги платят (пожалуй, впервые в течение нашего разговора улыбается. — Прим. авт.).